

МОГЛИ ЛИ АРМЯНЕ РАЗВАЛИТЬ ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ?

Турецкие «историки» на этот вопрос ответят однозначно — да. Еще как, ведь, по их мнению, армяне строили коварные козни совместно с Россией (или Антантой) по развалу страны и уже готовы были восстать и стереть империю с лица земли. Поэтому, видите ли, османы прибегли к «подавлению восстания», то, что цивилизованный мир называет «геноцидом». Но так ли все было на самом деле? Во всех тех событиях турецкие авторы обвиняют армянский национализм и зарождение армянских партий. Гнчакисты и дашнаки устраивали массовый террор и готовили всеобщее восстание. Как лицемерил Талаат-паша, «если не мы, то они нас». Отведем в сторону тот факт, что здесь налицо нарушение причинно-следственных связей. Армяне не первыми начали насилие, и то узконаправленное против власти; насилие над армянами осуществлялось османской властью и не с 1915 года, и даже не с 1894 года: армяне подвергались давлению большую часть истории «больной империи». Обратимся к тому, были ли у армян ресурсы на восстание. Возьмем в пример партию «Гнчак», появившуюся в 1887 году в Женеве. Марксистского толка, она ставила минимальную цель в реформах, максимальную — в независимой социалистической Армении. Проблема в том, что «Гнчак» с трудом можно назвать марксистской партией. Во-первых, практика не позволяла, ибо для социализма нужно наличие пролетариата, а его в империи не то что не было, не было и полноценной буржуазии. А отсюда, во-вторых, гнчакисты в большинстве слабо представляли себе, что такое «социализм» и та самая независимая Армения. Свободная Армения была для них как утопия. Не было ни теоретического инструментария, ни широких ресурсов для нее. Многие из основателей партии и вовсе ни разу не были в Западной Армении, так что лишь умозрительно рисовали планы в Женеве. Схожая ситуация сложилась и с другими партиями.

Таким образом, очевидно, что никаких тайных планов по развалу страны у армян не было. Конечно, впервые прозвучала сама идея независимости, самосознание росло, но за ним не было плана по конкретным действиям. Гарегин Нжде объяснял это духовной слабостью и тем мышлением, которое породило века жизни в османском обществе. Теперь к дашнакам, которых считают чуть ли не дьяволами азеро-турецкие авторы. Дашнакцютюн удалось собрать вокруг себя почти все слои армянского населения как в Западной, так и в Восточной Армении. Они смогли успешно сопротивляться резне и бороться с произволом, но и у них не было никакой стратегии по созданию независимой страны. Как только в 1908 году султанский режим был свергнут и либеральное крыло младотурков обещало реформы и свободы христианам, то тут

же дашнаки успокоились. По сути, мирные реформы — то, чего хотели большинство армянских деятелей того времени. Потому дашнаки вошли в османский парламент, в одну коалицию с младотурками, рассчитывая с трибун бороться за права армян. Как только началась Первая Мировая, тогда только состоялся съезд партии. Понимая тяжелую ситуацию из-за возобновившихся резней и прихода к власти военной хунты, дашнаки, однако, объявили нейтралитет в войне. Турецкий, российский и персидский филиалы должны были отказаться от попыток поддержать чью-то сторону, и им было запрещено формировать добровольные отряды. За это их позже корил Андраник, так как армяне фактически остались безоружны перед началом Геноцида. И теперь к главному — якобы опасению турок, что армяне в период войны поднимут

[Vk.com/antitopor](https://vk.com/antitopor)

восстание и пойдут к русским. Шойбнер-Рихтер, немецкий вице-консул в Эрзеруме, детально опроверг данные опасения. В своих письмах в центр он считал абсолютным бессмысленным страхом того, что армяне уничтожат страну. Еще задолго до Геноцида у большинства армян Западной Армении уже либо отняли оружие, либо его и вовсе не было, а крепких мужчин из многих семей рекрутировали в турецкую армию. Полноценно сопротивляться на случай чего мог только Ван, остальные поселения и города армян были изолированы друг от друга и не имели никакой координации. Западные армяне, в основном, были крестьянами, вынужденными изнуренно пахать на поле, часто на местного феодала. У них не было ни физических, ни духовных сил, чтобы поднять всеобщее восстание по всей стране. Шойбнер-Рихтер отмечал, что даже местные феодалы оказались в тяжелом положении, ведь после убийств армян некому стало пахать поля и ухаживать за огородами и садами. В итоге регион пришел в полный упадок, а многие местные князья разорились. Никакой угрозы безопасности, по его словам, не было, чтобы начинать массовое истребление таких масштабов. Таким образом, аргумент турков о том, что резня армян была якобы вынужденной, опровергается реальными фактами тех лет. У армян не было ни четких планов, ни четкой связи, чтобы готовить такие планы. Это типичный миф о «пятой колонне», которым оправдывались турки что тогда, что сейчас. Это лишь ширма для того, чтобы затмить реальные планы турков в реализации квази-нацистской доктрины по созданию одной нации на все государство.

АРМЯНЕ — ПЕРВОПРОХОДЦЫ В ВЕРОТЕРПИМОСТИ

Принятие Арменией христианства пришлось на достаточно тяжелую эпоху, когда страна была сдавлена между Римом и Парфией и конфликтами между ними. В конечном счете, внутренний разлад между царем и нахарарами привел сначала к легкому разделу Армении, а позже и к ее падению в 428 году.

Вплоть до 450 года Восточная Армения сохраняла автономное положение в составе Сасанидского Ирана. Армяне сами выбирали себе марзпета и католикоса, а также не должны были рекрутироваться в персидские походы. Однако в связи с поражениями в Средней Азии персы ужесточили положение и отменили автономные права. А также попытались обратить армян в зороастризм.

Причиной поражения считалось то, что армяне потушили священные огни и таким образом разгневали небеса. Однако план по насильственному обращению в веру не состоялся и армяне подняли Великое Восстание, также известное как Вардананк. Как описывает историк Егише, армяне написали письмо шаху Йездигерду II, в котором говорилось, что «в этих верованиях нас никто не может поколебить, ни ангелы, ни люди, ни меч, ни огонь, ни вода, ни какие только есть жестокие пытки».

При этом в письме указывалась лояльность персидскому шаху и признание его власти. Фактически эта борьба носила не столько национально-освободительный, сколько национально-религиозный контекст изначально. Это была борьба за веру, пик которой пришелся на время знаменитой Аварайрской битвы.

В течении последующих 30 лет армяне оказывали ожесточенное сопротивление, пока шах Пероз не предложил мир, осознавая невозможность реализации планов. В 484 году был подписан Нварсакский мирный договор. Этот договор опережал время по тому, что в нем было закреплено.

В первую очередь, закреплялось, что никто не имеет права заставлять отка-

Уважение к чужому вероисповеданию было одной из заветных мечт европейской прогрессивной мысли XVII века. Джон Локк считается первым, кто создал трактат «О Веротерпимости», в котором озвучивалась мысль о том, что каждый имеет право выбирать свою религию для исповедания. Однако в армянской истории подобный акт появился намного раньше.

зываются от религии, в которой человек родился. Также это подразумевало, что люди должны оцениваться не по своему положению и религии, а по своим действиям. Фактически здесь впервые были утверждены зачатки веротерпимости. То, что сейчас составляет одну из основ либеральной теории и западной демократии.

Данная традиция веротерпимости закрепилась в армянской культуре и особенно проявила себя в период

становления Киликийского царства. Знаменательными являются слова Вардана Айгекци в его «Назидании злословящим крикунам». В нем он обращается к ромеям, армянам и сирийцам и пишет, что «вы призваны одним Христом и крещены в одной купели, просвещены одним Отцом и одним Святым духом, и, однако, попрекаете и хулите друг друга».

Для него борьба между христианскими конфессиями была на руку врагам,

ведь «знаете, что не время сейчас испытывать веру или подтверждать... Какова она сегодня, то мы и имеем». Фактически, это было беспрецедентно для Средневековья — призывать к подобного рода веротерпимости и братству между христианами.

Аналогично Айгекци к братству и прекращению споров призывали Нерсес Ламбронаци, Григор Тха и многие другие. «Да будет известно сведущим критикам, что христианские народы кое в чем различаются между собой. Но милость Божья укрепила меня сознательно пренебречь их суетным обычаем и предпочесть любовь», — писал Нерсес Ламбронаци, считая разделения христиан суетным делом.

Важно отметить позицию Нерсеса Шнорали. Он подчеркивал, что ни в коем случае нельзя обращать кого-то в веру, даже праведную христианскую, путем оружия и насилия. Он стремился к росту экуменического движения и уважения, единства со стороны всех христиан мира. Эта позиция не имеет аналога в европейской практике. Например, живший в те же времена Бернанд Клервоский вполне одобрял насилие для обращения в веру еретиков, язычников и мусульман.

Особый комментарий на этот счет оставил и праведец Мхитар Гош. Он писал, что «Христос не ревнив, он приемлет каждый народ, ибо уподобил он царство небесное неводу, куда попадает всякий род рыбы. Разве простит Бог тех христиан, которые считают приверженцев ислама и иудеев лучшими, чем армяне?». Фактически армянские философы стремились избежать богословских споров и найти способ мирно сосуществовать с другими христианами и религиями, прекрасно осознавая тяжесть религиозного давления. Особые исторические реалии Армении привели к опережению армянами философской мысли Европы.

Материалы подготовил
Артур АКОПЯН